Посвящается Алексу

Предисловие

Существует ли более суровый приговор коммунистической экономической системе, чем пустые полки советских магазинов? В поздние годы перестройки, когда проект этой книги впервые зародился в сознании автора, в продуктовых магазинах СССР можно было застать доходящие до потолка башни рыбных консервов всего двух видов и, возможно, немного запылившиеся макароны на развес. В аптеках изредка появлялись аспирин и туалетная бумага, а например, о тампонах покупательницы могли только мечтать. В магазинах электроники не было буквально всех бытовых приборов, так изменивших жизнь потребителей в обеспеченном обществом: вместо этого предлагались ужасающие настольные лампы, причем лампочки для них завозили от случая к случаю и половина оказывалась неисправной. Иностранцы не могли не поражаться организации розничной торговли: чрезмерная специализация продуктовых магазинов и отделов приводила к тому, что, как ни старайся, в любом случае приходилось стоять в отдельных очередях за молоком, за хлебом и за чечевицей. Еще зарубежные гости могли увидеть огромные пустые залы, где продукты располагались только вдоль одной стены за кассовой стойкой или на неприглядном, закрытом стеклом прилавке; могли наблюдать три очереди: первая — чтобы выбрать товар, вторая — чтобы его оплатить, третья — чтобы забрать. Не укрылись бы от их внимания и мрачного вида продавец, и перерывы на обед и ежемесячные «санитарные дни» или закрытие «на учет», и постоянная нехватка сдачи у кассиров и их категорические отказы оставить сдачу себе, и нехватка упаковки и пакетов. Не менее удивительным было осознавать, что в Одессе, где рабо-

тало крупное предприятие по изготовлению зонтов, на рынке невозможно было найти зонт, или видеть, как коллеги-ученые по одному выходят из читального зала архива и возвращаются из буфета с замороженной курицей, которая потом оттаивала, лежа рядом с уникальными документами почти на каждом столе. Или быть свидетелем того, как в начале 1990-х моя знакомая, которая работала секретарем в недавно приватизированной строительной компании, была вынуждена разбираться с поставкой двух тонн лука — отголоском длительного сотрудничества компании с совхозом. Сваленный в вестибюле офиса лук начал гнить, и моей знакомой пришлось искать способ избавиться от этой зловонной кучи — не было ли это буквально метафорой судьбы советской *смычки*, органической связи между крестьянами и пролетариатом, которая, казалось бы, являлась фундаментом коммунистического государства?

А еще были уличные торговцы: в начале 90-х в центре Москвы нельзя было сделать ни шагу, чтобы не пришлось лавировать между двумя рядами лоточников, сгрудившихся по обе стороны тротуара. Нельзя сказать, что они приставали к прохожим — уличная торговля в то время была делом молчаливым, — но зато они всегда протягивали один или два товара, по-видимому, выбранных наугад, чтобы вы на них посмотрели: пожилая крестьянка предлагает десяток яиц; кто-то держит в руках бутылку водки или две палки копченой колбасы; шерстяные шали, несколько лифчиков, лак для ногтей, пара ботинок... Хотите примерить ботинки? Продавец достанет кусок потрепанного гофрокартона и положит его перед вами на подтаявший снег. И вот вы пытаетесь снять свои сапоги на этом самодельном коврике, не растеряв свои сумки и не потеряв равновесия. Одновременно вы пытаетесь решить, действительно ли настолько плохо купить ботинки на два размера больше; пытаетесь понять, насколько сможете сторговаться; и потом пытаетесь заплатить и уйти до того, как у вас отмерзнут пальцы. Все это — и я еще даже не упомянула рынки и магазины «Березка», предназначенные только для иностранцев, о которых тоже можно рассказывать часами! — было безумно захватывающе для молодого американского

исследователя. Когда приятели по тридцатому или сороковому разу рассказывали, как «раньше у нас все было», оставалось только с недоверием качать головой.

Эта книга о том, как розничная торговля развивалась «раньше». Однако это не совсем то «раньше», которое имели в виду мои друзья, говоря о времени, когда все действительно работало лучше. Речь пойдет о периоде, охватывающем зарождение и эволюцию советской торговой системы с 1917 по 1953 год. Из любопытства я бы, может, и хотела довести рассказ до 1980-х, но я и так уже прыгнула выше головы в ходе этого проекта. Моя докторская диссертация, которую я закончила в 1996 году, принесла мне больше разочарования, чем удовлетворения. С тех пор я провела множество дополнительных изысканий, и теперь я знаю гораздо больше. Поэтому, несмотря на то что основные темы этой книги — создание и развитие социалистической розничной торговли, взлеты и падения частной торговли, особенно мелкой розницы; изменения потребительских привычек и наклонностей — освещались и в моей диссертации, подход к этим темам в книге принципиально новый.

За этот период у меня накопились долги — личные, интеллектуальные, материальные. В начале работы над моей докторской диссертацией в 1991–1992 годах я получила финансирование от Чикагского университета, который наладил программу обмена с Российским государственным гуманитарным университетом, а в 1992–1993 годах — стипендию программы Фулбрайта в сотрудничестве с Советом международных научных исследований и обменов (IREX). Диссертационная стипендия от Фонда Эндрю Меллона (который ранее спонсировал мою дипломную работу) и Совет по исследованиям в области общественных наук обеспечили финансирование моей двухлетней работы. Позже, после перевода в Орегонский университет, я провела полсеместра, исследуя и оформляя свои выводы в Институте Кеннана для углубленных исследований России, а затем еще полсеместра — на базе Орегонского центра гуманитарных наук. Благодаря гранту для младшего профессорско-преподавательского состава я получила финансирование своей летней научной поездки в Россию,

а IREX спонсировал еще две поездки. И наконец, еще одна стипендия фонда Меллона позволила мне провести незабываемый и продуктивный 1999/2000 академический год в Институте перспективных исследований в Принстоне (штат Нью-Джерси). Я бы хотела выразить искреннюю благодарность Шейле Фицпатрик, Бобу Дэвису, Льюису Сигельбауму и Джоан Нойбергер за рекомендации для института, Джеку Матлогу за содействие в институте и Вере Толц и Йораму Горлицки за поддержку и за вычитку моих черновиков.

В моей интеллектуальной и профессиональной деятельности больше всего я обязана моему научному руководителю Шейле Фицпатрик. Ее подход к обучению студентов задает непревзойденный стандарт: она заставляла своих студентов с головой нырять в советские источники; поощряла исследования, организуя еженедельные семинары по российской истории; мгновенно (за ночь!) присылала свои подробные замечания к докладам и главам диссертации и всегда была готова оказать профессиональную помощь и дать совет. Особо стоит отметить то, что она всегда поддерживала интеллектуальную свободу. Шейла создала в Чикаго интеллектуальное сообщество, не основывая при этом «школу им. Фицпатрик». Сегодня, спустя семь лет, я не могу не превозносить такой подход. Хотя я не могу точно сказать, когда я получила больше знаний, в годы обучения в Чикаго или после, но чувство открытия определенно ощущалось в то время более явственно. Отчасти тому способствовали события, происходившие в бывшем Советском Союзе, но больше всего то, что мы постоянно делились своими находками. Мои сокурсники Гольфо Алексопулос, Мэтт Пейн, Мэтт Леной, Джон Бон, Джон Маккэнон, Молли Пайл, Крис Бертон, Джеймс Харрис, Джош Сэнберн и Джули Гилмор сыграли важнейшую роль в моем обучении. Кроме того, на мое интеллектуальное развитие серьезнейшим образом повлияли два человека, которые также были частью чикагского кружка. Один из них — Терри Мартин, чья работа на тему национальной политики сформировала мое понимание советского политического устройства; второй — мой муж, Алекс Дракобли, чья критическая проницательность и обширные ис-

торические познания непрерывно обогащали и развивали мои собственные.

Эта книга получилась гораздо тоньше, чем мне бы хотелось. Мне пришлось значительно урезать рукопись для публикации, и многие детали, цитаты, дополнительные аргументы и примеры в процессе были вычеркнуты. Больше всего пострадали примечания. Для самых ревностных читателей я восстановила вычеркнутые пояснения и сведения в серии приложений, которые можно найти в интернете по ссылке URL: http://darkwing.uoregon.edu/~hessler (дата обращения: 24.06.2021). На сайте более подробно освещены следующие темы: (а) кооперативы: обзор литературы и критический разбор источников; (б) «Кредит-Бюро»: база данных и его создание; (с) производство и продажа водки; (д) данные о бюджетах домохозяйств и тенденции в области потребления; и (е) судебные дела и рынок.

В завершение я бы хотела выразить свою благодарность еще нескольким людям и учреждениям: Софии Викторовне Сомоновой и ее ассистенткам (Тане, Насте и Инне) из Государственного архива Российской Федерации, а также Галине Кузнецовой за радостные перерывы на обед и неоценимую помощь; Джиму Мору, Квинтарду Тэйлору и Дэниелу Поупу, занимавшим в разное время пост заведующего моей кафедрой, за их поддержку и готовность давать мне время на отдых; Мэтту Леною за комментарии к введению; Дону Фильцеру за предоставленные данные и идеи для седьмой главы, которая позже была опубликована в журнале *Europe-Asia Studies*, и я благодарна за согласие, данное мне редакцией журнала, на повторную публикацию главы в этой книге с небольшими изменениями; а также Бригитте ван Рейнберг, которая верила в мою рукопись и помогала мне до самой публикации. Книга посвящена Алексу, и я лишь надеюсь, что написание следующей будет менее мучительным.

г. Юджин, сентябрь 2002 г.

Введение

Легко забыть, что еще в 1940-х годах советской экономикой восхищались. Невероятные темпы роста, которые демонстрировали добывающая и тяжелая промышленности СССР в разгар мировой депрессии, и последующая стремительная мобилизация во время войны привели к тому, что коммунизм стал казаться реальной экономической альтернативой пребывающему в глубоком кризисе капитализму Западной Европы и Соединенных Штатов. Даже такие критически настроенные против советского «коллективизма» экономисты, как Фридрих фон Хайек и Йозеф Шумпетер, увидели в нем знамение будущего. В послевоенные годы социалистические партии западноевропейских стран национализировали ключевые отрасли промышленности и средства коммуникации, расширили программы социального обеспечения и вынесли на обсуждение идею дополнительного налога на богатство. Для решения насущных проблем послевоенного восстановления и для содействия дальнейшему экономическому развитию во многих странах были поддержаны методы «планирования», то есть плановой экономики. Несмотря на то что в точности списанная с советской модели «командная экономика» за пределами социалистического лагеря была отвергнута, «административная экономика» правила там бал: варьируясь от страны к стране, сформировался политический консенсус вокруг идей экономиста Джона Мейнарда Кейнса о контрциклическом характере инвестирования, управлении спросом, модернизации, полной занятости и контролируемом государством экономическом росте.

Каким далеким временем это кажется сейчас! Между «тогда» и «сейчас» — целая пропасть. «Славное тридцатилетие», «немецкое экономическое чудо», «итальянское экономическое чудо» —

как ни назови, этот экономический бум преобразил Северную Америку, Японию и Западную Европу в 1950-х и 1960-х годах. Из эпохи добычи и производства угля и стали экономики этих регионов шагнули в эпоху доступных потребительских товаров, электроники, сферы услуг и информационных технологий. Вопреки распространенному заблуждению, расцвет экономики в послевоенный период не обошел стороной государства Восточной Европы и Советский Союз. Уровень жизни в этих странах также рос благодаря глобальной сельскохозяйственной «зеленой революции» и подъему промышленности. Тем не менее это развитие было не таким ярким, как в странах Запада. Производительность промышленности в СССР вскоре начала стагнировать, новые технологии в основном применялись в военно-промышленной отрасли. В таких условиях сложно усмотреть новую «потребительскую» парадигму[1]. Возможно, Советский Союз и преодолел времена «затягивания поясов», подобно странам Запада, но «изобилие» там все еще оставалось недостижимым. Некоторые историки даже утверждают, что именно обманутые желания потребителей в итоге послужили причиной падения советского режима.

Серьезные исследования, проводившиеся в 1950-х и 1960-х годах, опровергли позитивную оценку сталинской экономической модели, распространенную в первые послевоенные годы. В Соединенных Штатах значительную часть таких исследований финансировало федеральное правительство, заинтересованное в демонстрации слабостей своего соперника в холодной войне[2]. В то же время исследователи этого периода, акцентируя внимание на таких вопросах, как реальный национальный доход, реальная заработная плата и человеческие потери, понесенные в ходе сталинской индустриализации, затрагивали те же темы, что беспокоили зарождающееся общество потребления. Теперь об

---

[1] Наиболее актуальный обзор см. в [Berend 1996].

[2] Ряд важных работ, посвященных советской экономике, был создан под покровительством RAND Corporation, исследовательского центра, связанного с ВВС США. См., в частности, [Bergson 1961; Chapman 1963].

успехе экономической системы судили не по объему выпуска угля и стали, а по ее способности обеспечивать потребителей постоянно расширяющимся ассортиментом товаров. Несмотря на какофонию споров ученых о методах расчетов и точности советской статистики, в одном выводе все были единодушны: советская экономическая система в целом, в особенности период форсированной индустриализации, была признана вовсе не беспрецедентным экономическим успехом, а фиаско.

Американские исследователи 1950–1960-х годов, как и некоторые из советских ученых того же периода, значительно углубили наши знания о развитии советской экономики[3]. Однако неудивительно, что такие работы несут в себе отпечаток времени и места их написания, будь то настойчивость советских ученых в утверждении неотвратимого перехода от «капитализма» через «строительство социализма» к «развитому социализму», а затем и к «коммунизму» или тщательные попытки американских исследователей проводить экстраполяцию на основе ограниченной статистической базы. Так или иначе, поразительно, что мы до сих пор продолжаем пользоваться (с минимальными корректировками) представлениями о развитии советской экономики, выработанными в разгар холодной войны. Отчасти это связано с тем, что американские экономисты, авторы ранних исследований в этой области, естественным образом перешли к более актуальным проблемам, среди которых можно назвать военно-промышленный комплекс брежневского периода, неформальный сектор советской экомики, причины ее застоя и т. д. В то же время американские историки Советского Союза оказались вовлечены в ожесточенные споры о состоятельности социальной истории в условиях «тоталитаризма», по большей части оставляя экономические вопросы за скобками.

В Великобритании ситуация была иной. Историки часто обращаются к традиции «западной» историографии в противо-

---

[3] Среди работ советских исследователей, сформировавших мое понимание развития экономики СССР, могу назвать [Атлас 1969; Турецкий 1959; Малафеев 1964] и несколько исследований С. Г. Струмилина.

вес советской науке, но в реальности эта традиция не была единой. В Великобритании, как и в СССР, экономическая история в 1970–1980-х годах оставалась важнейшей частью исторических изысканий[4]. В частности, множество важных монографий было опубликовано в рамках «Проекта о советской индустриализации» центра по изучению России и Восточной Европы Университета Бирмингема. В отличие от своих коллег из Гарварда и RAND, авторы из Бирмингема тяготеют к «мягкой» экономической истории: они серьезно относятся к количественным данным и прилагают много усилий для поиска и оценки советских статистических источников, но при этом используют экономический анализ не как самоцель, а как точку входа для изучения социальной, институциональной и политической истории. Как недавно отметил Роберт Уильям Дэвис, говоря о самом себе, исследователи из Бирмингема часто вдохновлялись социалистической политической повесткой. Несмотря на то что их визитной карточкой является скрупулезный эмпирический подход, часто в их работах можно различить марксистский понятийный аппарат, а также присутствующие на заднем плане существенные политические вопросы: может ли что-то из советского опыта быть использовано для современного социализма? Что можно считать достижениями Советского Союза и что именно пошло не так?[5]

---

[4] Учитывая сильные традиции экономической истории в Великобритании и России, неудивительно, что именно британские и российские ученые написали бóльшую часть современных работ по советской экономике. Среди важнейших примеров см. [Davies et al. 1994; Harrison 1921; Зима 1996; Шишкин 1997; Попов 2000]. Работы, особенно относящиеся к вопросу торговли, указаны далее.

[5] Из неопубликованной работы Р. У. Дэвиса (R. W. Davies. The Archives and the Stalinist Economy), написанной для проходившей 30–31 октября 2002 года во Флоренции (Италия) конференции «Reappraising the Stalin Era» («Переосмысливая сталинскую эпоху»). Дэвис является автором нескольких работ, оказавших влияние на эту книгу: «Crisis and Progress in the Soviet Economy, 1931–1933» (London, 1996); «The Soviet Economy in Turmoil, 1929–1930» (Cambridge, Mass., 1989); и, совместно с Э. Х. Карром, «Foundations of a Planned Economy, 1926–1929» (London, 1969).

Настоящая работа написана с выраженной немарксистской точки зрения, однако она похожа на исследования Бирмингемской школы своей темой и ее трактовками. В ней отзывается аргумент Моше Левина о роли кризисов в сложной динамике исторических изменений[6]. В ней слышны отголоски настойчивой позиции Владимира Андрле относительно центральной роли денежных доходов в определении уровня жизни, высказанной вопреки расхожему мнению о том, что все сводится к социальным льготам и доступу к благам [Andrle 1988]. В исторических вопросах эта работа обращается к Станиславу Свяневичу и его анализу регулирования спроса в Советском Союзе, в котором фундаментальная структурная роль отводится дискриминации крестьян и репрессиям [Swianiewicz 1965]. Эти и другие сходства в трактовке, которые я едва осознавала в процессе написания книги, однозначно ставят данную работу в один ряд с приверженцами бирмингемской традиции. В моей книге вопросы, методы и опора на архивные материалы, характерные для социальной и политической истории, применены к экономическим темам (розничной торговле, распределению и широкому потреблению), и эти инструменты используются, чтобы по-новому взглянуть на формирование советской экономики. Непосредственным внешним причинам, в том числе таким разнородным факторам, как борьба за власть и политические решения на том или ином этапе советской истории, социальная психология и краткосрочные экономические условия, уделено в моей книге столько же внимания, сколько и любой «глубокой системной логике». Читатели не найдут в этой книге свидетельств в подтверждение мнения Яноша Корнаи о том, что, когда Коммунистическая партия достигает безраздельной власти, эта историческая конфигурация задает «генетический код», который передает главные характеристики системы каждой ее клетке [Корнаи 2000]. Вместо этого (хотя, конечно, это не более чем убеждение историка) они найдут свидетельства того, что, если бы политические деятели и даже

---

[6] В особенности см. [Lewin 1985]. Левин работал в Бирмингеме с 1968 по 1978 год.

рядовые граждане в определенные моменты истории принимали иные решения, ее итоги могли быть иными.

Что можно почерпнуть из новой социальной и политической истории экономики потребления? Значительная часть моей информации затрагивает конкретные детали. Однако это исследование предлагает новую интерпретацию основных аспектов развития советской экономики, среди которых отношения между новой экономической политикой (НЭПом) и предшествующими ей и сменившими ее экономическими структурами; значение так называемого «Великого перелома»; теоретическая и практическая роль рынка на различных этапах экономического развития; социальный аспект советской торговой политики; подходы политических деятелей к ценообразованию и так далее. Некоторые из этих тем в кратком виде изложены далее.

Два режима советского социализма

Применительно к теме торговли некорректно говорить о «сталинизме». В период сталинской диктатуры потребительская экономика функционировала не в одном, а в двух режимах, и поскольку эти режимы также характерны для советского социализма в периоды Гражданской войны и НЭПа, я не буду использовать данный термин. Оба режима обладали общими характеристиками, которые объединили тридцатипятилетний период от большевистской революции до смерти Сталина в одну целостную эпоху. Одним из таких объединяющих факторов была опора правительства на репрессии как на рутинный инструмент управления экономикой. Осуществление репрессий было характерно для обоих режимов советского социализма в первые десятилетия новой власти; это обстоятельство отделило Ленина и Сталина от тех, кто руководил страной после смерти последнего. Среди других объединяющих характеристик этих режимов — огромная, но никогда не исключительная, роль государства в производстве, распределении и сбыте продуктов питания и потребительских товаров; государственная монополия на же-

лезные дороги, речной транспорт и внешнюю торговлю; существование розничной торговли в рамках социалистического сектора, представленного государственными и кооперативными экономическими субъектами, а также наличие частной торговли в виде уличных рынков; ограниченная материальная база страны. Ни одна из этих характеристик не была отличительной особенностью ни одного из режимов советского социализма по отдельности, и тем более военного коммунизма, НЭПа или любого другого временно́го отрезка сталинского периода. Скорее, все это было типично для эпохи в целом.

Принципиальное различие двух режимов социализма заключалось в состоянии экономики. Согласно архивным документам, продовольственные кризисы возникали то в одном, то в другом советском регионе на протяжении почти всего рассматриваемого периода (за исключением лишь пары спокойных лет), однако наиболее ярко выделяются масштабные вспышки голода 1921–1922, 1932–1933 и 1946–1947 годов. Каждый раз голод являлся кульминацией многолетнего экономического и политического кризиса, включавшего, помимо всего прочего, милитаризацию продовольственного снабжения и распределения «товаров первой необходимости». Для наших целей можно выделить кризисный режим, определявший поставки и распределение продовольствия и потребительских товаров, поведенческие модели потребителей в 1917–1922, 1928–1933 и 1939–1947 годах (и в промежуточные годы поблизости от охваченных голодом районов), и режим восстановления, или нормализации, который действовал все остальное время. До 1950-х годов нормализация не приводила к стабильности: вместо этого сочетание внутренних и внешних факторов толкало этот маятник обратно к фазе кризиса.

Кризисный режим социализма как элемент политики предполагал применение государством мер по монополизации товарных потоков. Каждый раз его движущей силой выступали местные чиновники, которым приходилось сталкиваться с влиянием обостряющегося дефицита на общественный порядок. Городские власти были склонны начинать с того, что налагали ограничения на покупки, но быстро переходили к рационированию, в рамках

которого разным классам потребителей выдавались карточки в соответствии с системой, разработанной во время Гражданской войны. Каждый раз Кремль в конце концов распространял применявшиеся в отдельных городах меры по всему СССР и вводил дополнительные льготы для наиболее значимых городских потребителей через сеть магазинов и столовых на рабочих местах. Следствием подобного распределения явилась открытая дискриминация потребителей из сел и деревень, которым почти всегда был перекрыт доступ к дефицитным товарам в городских магазинах, в то время как сельские магазины получали поставки в ходе проведения все более милитализированных «заготовительных кампаний», т. е. закупок сельскохозяйственной продукции государством и кооперативами по цене ниже рыночной. Еще одним следствием была война, объявленная государством рынку. Несмотря на то что частная торговля неосновными продовольственными продуктами и подержанными товарами, а также товарами собственного изготовления или просто широкодоступными на рынке не была объявлена нелегальной, кризисный режим приводил к резкому усилению гонений на частных торговцев и попытке вовсе исключить рынок из схемы распределения продовольственных и промышленных товаров первой необходимости. Ближайшими аналогами «кризисного социализма» являются экономические режимы стран Центральной Европы, пострадавших во время двух мировых войн и их последствий[7]. Это неудивительно: два из трех кризисов, которые пережила Советская Россия и СССР, стали следствием тех же самых войн, а третий совпал с Великой депрессией, которая вспыхнула за рубежом.

Возвращаясь к политическому аспекту и его влиянию на экономику, можно отметить одно удивительное обстоятельство: от кризисного экономического режима в СССР всегда отказывались прежде, чем наступал пик кризиса. В 1921, 1931–1932 и 1946–1947 годах систему централизованного распределения свернули, когда голод только усиливался. Политика нормализации и сама нормализация экономических условий и потребительского по-

---

[7] Ср. [Wildt 1986] и [Wyka 1992: 23–61].

ведения никогда не совпадали по времени. Программа восстановления, предложенная государством, каждый раз включала децентрализацию снабжения и принятия решений, стабилизацию валюты, восстановление роли денег как главной единицы стоимости и фактора доступа потребителей к товарам, снижение и возможное упразднение гарантированных пайков, а также либерализацию политики по отношению к рынку. Отчаянное положение экономики, которое каждый раз служило фоном для таких реформ, привело к тому, что многие западные и постсоветские историки описывали их как «стратегическое отступление»[8]. Советские ученые, напротив, подчеркивали, насколько реформы соответствовали долгосрочным целям модернизации и экономического роста, которые ставили Ленин или Сталин и которые, разумеется, были необходимы для социализма как такового[9]. С оговорками, но мое мнение ближе к точке зрения советских исследователей, чем изложенные ранее позиции их западных коллег. Не стоит забывать, что не только политика нормализации, но и сам кризисный режим социализма вводился через серию чрезвычайных мер. В ранние годы советской власти подобные меры находили идеологических сторонников в правительстве, однако в то же время другие большевистские лидеры, например А. И. Рыков и, пожалуй, сам Ленин, видели в регламентации распределения шаг назад, а НЭП приветствовали, видя в нем движение вперед. В последующие десятилетия это утверждение также было верно в отношении Сталина: когда он сформулировал свое видение социализма в условиях экономики потребления, он решительно отверг кризисный режим в пользу подхода, более близкого политике НЭПа.

---

[8] Это утверждение больше применимо к специализированной литературе, касающейся более поздних реформ. Для рассмотрения советской экономики 1921 года можно обратиться к [Гимпельсон 2000]. О периоде 1931–1932 годов см. [Whitman 1956: 384–404, особ. 387; Davies 1996: особ. 58–64, 94–97, 201–28]. Для рассмотрения периода 1946–1947 годов см. [Filtzer 1999: 1013–1038; особ. 1020–1022; Зима 1996: 51–52; Зубкова 1998: 40–50].

[9] Для рассмотрения 1921 года см. [Дмитренко 1986; Дихтяр 1963: 139–152; Атлас 1969: 173–191], по периоду 1931–1932 см. [Атлас 1969: 248–261].

НЭП положил начало будущему развитию социалистической экономики, совместив значительное присутствие в ней государства с рыночными механизмами и институтами. Как нам хорошо известно, многие из этих достижений были упразднены во время второго эпизода кризисного социализма, сталинского «Великого перелома». Однако не так хорошо известен масштаб восстановления рыночных механизмов в социалистической экономике во время последующей затем фазы нормализации. В секторе снабжения, например, товарные биржи и ярмарки 1920-х годов, может, и не открылись после принудительного закрытия в 1930–1931 годах, зато появились оптовые базы, которые в итоге их заменили: их целью было оптимизировать социалистический рынок, а не покончить с ним. Более того, как и в 1920-х годах, официальные оптовые учреждения обеспечивались работой по прямым договорам между промышленными сбытовыми организациями, заводами или крестьянскими хозяйствами и распределительными сетями социалистического сектора. Дэвид Ширер обратил внимание на такую рыночную практику в советской тяжелой промышленности, заявив, что они подрывали заявленную цель режима — построение плановой экономики. По словам Ширера, эта практика привела к тому, что «то, что появилось в 1930-х годах... было командно-административной экономикой, но не плановой» [Shearer 1996: 236]. Несомненно, это отчасти связано с различием между двумя секторами, однако в торговле практики рынка не считались несовместимыми со строительством социализма. Хотя и здесь найм разъездных торговых агентов (наиболее распространенный способ обхода чрезмерно жестких структур снабжения) неоднократно подвергался критике со стороны будущих рационализаторов. Дело в том, что в 1935–1938 и 1948–1953 годах, а также в 1921–1928-м государственное и кооперативное снабжение как на практике, так и в теории было организовано на основе покупок, продаж и решений, принимаемых управляющим лицом, а не на плановом распределении фиксированной квоты товаров.

Руководящие круги, напротив, не хотели отказываться от контроля над ценами: в этом вопросе советский социализм

резко расходился с нормами рыночной экономики. Даже во время НЭПа власть вскоре вновь обратилась к политике вмешательства в ценообразование «наиболее важных» категорий товаров, хотя первый шаг к нормализации и состоял в стабилизации валюты и, следовательно, в освобождении цен. Эти интервенции в рыночную экономику запускали порочный круг: искусственно заниженные цены в социалистическом секторе приводили к дефициту, который, в свою очередь, вел к росту спроса на эти товары в частном секторе, на что частные розничные торговцы отвечали повышением цен, дабы уравновесить спрос и предложение. Товары неизбежно перетекали из регулируемых в нерегулируемые розничные сети, из-за чего враждебность большевиков к рынку усиливалась, заставляя их вновь пытаться директивно снизить цены[10]. По мере того как усиливались дефицит и дестабилизация, вмешательство властей становилось все более радикальным. Конечная точка — кризисный режим социализма — не была ни запланированным, ни желаемым результатом. Однако чиновники, ответственные за экономическую политику, следовали аналогичному курсу регулирования цен и в конце 1930-х годов, что привело к тем же последствиям, и более того — снова вернулись к нему в послевоенные годы.

Итак, подведем итог: период с 1917 по 1953 год целесообразно рассматривать как циклическую модель сменяющих друг друга фаз кризиса и восстановления, который был окончательно разорван только в конце этого периода. Исследование этой модели положено в основу этой книги: в ней на примере трех затяжных кризисов, вызванных поочередно революцией, сталинским «реформированием национальной экономики», войной и их последствиями, разбирается взаимосвязь между долгосрочными планами и краткосрочными обстоятельствами в развитии торговой политики, а также между угрожающей нехваткой ресурсов, случаями дефицита и экономическим ростом. Я считаю, что за исключением революционного периода, когда позиции советских

---

[10] Лучше всех на сегодняшний день эту проблему проанализировал В. В. Новожилов в своей работе «Недостаток товаров» [Новожилов 1926: 75–96].

политических руководителей не были полностью согласованы, во время фазы восстановления каждого экономического цикла они преследовали свои принципиальные цели в отношении снабжения, заработной платы и цен, торговых кадров и организации розничной торговли — и были гораздо менее последовательны во время фазы кризиса, когда требования экстренного управления отодвигали менее приоритетные задачи в сторону. Учитывая современное распространение сетевых магазинов, кооперативов и универмагов на Западе, я также утверждаю, что некоторые из стратегий советского руководства соответствовали тенденциям модернизации мировой розничной торговли. Советские лидеры воспользовались преимуществами экономии за счет роста производства; в условиях рынка, при применении иного сочетания политических мер, в это время могли бы быть заложены основы эффективной системы социалистической торговли. То, что этого не произошло к концу жизни Сталина, я объясняю слабостями советской ценовой политики, ограниченной ролью частного предпринимательства и рынка и, прежде всего, тягой к использованию кризисных методов экономического управления при обнаружении первых признаков дестабилизации на рынке продовольствия и потребительских товаров. Советская торговая политика всегда была готова мгновенно отреагировать на любое изменение обстановки: в своих политических предпочтениях Ленин и особенно Сталин опирались на экономическую рациональность, но их политическая культура была сформирована под влиянием тягот и лишений Гражданской войны.

Покупатели, продавцы и социальная история торговли

Эта книга пока была представлена лишь как исследование крупномасштабных структурных изменений в политической экономии коммунизма. Однако она также посвящена людям, чья деятельность формировала и отражала эволюцию экономики в целом. Циклическая модель периодов кризиса и восстановления, как и изменение структуры советской торговли, оказала глубокое

влияние на повседневную жизнь советских граждан, которые почувствовали изменения не только как покупатели, но и как продавцы. Крестьяне, в 1939 году все еще составлявшие 46 % населения, продавали свою продукцию на протяжении всего рассматриваемого в настоящем исследовании периода. Во времена кризиса к их числу добавлялись практически все городские жители, которые распродавали излишки своего имущества, покупали и перепродавали дефицитные товары или продавали кустарные изделия на базарах, чтобы покрыть расходы, связанные с растущими ценами на продовольствие. Обширные исследования бюджетов домашних хозяйств, проводившиеся Центральным статистическим управлением (в разные годы оно называлось ЦСУ СССР, ЭСС — Экономико-статистический сектор, ЦУНХУ — Центральное управление народно-хозяйственного учета), позволяют количественно оценить роль выручки от эпизодических продаж в доходах рабочих, конторских служащих и управленцев или работников технических специальностей в годовом исчислении. В наиболее острые фазы экономического кризиса до 30 % этих доходов приходилось на неофициальную торговлю. В контексте социальной истории первой половины советской эпохи это означает, что уличные базары, где происходила основная часть случайных продаж, сохраняли культуру очного обмена, который не был односторонним. И горожане, и крестьяне участвовали в торговле в качестве как покупателей, так и продавцов. Высокие рыночные цены на продукты вынуждали горожан прибегать к мелкой торговле, и это мешало им отождествлять себя с крестьянами, однако далеко не все крестьяне извлекали выгоду из нехватки продуктов — сама универсальность рыночной торговли в эти периоды делала ее своего рода культурным клеем.

Торговая активность усиливалась и затухала вместе с наступлениями и отступлениями очередного экономического кризиса; по мере того как кризисный период завершался, те наемные работники, чей основной доход составляла не торговля, уходили с рынка, и на нем оставалась только более малочисленная группа продавцов кустарной продукции, лоточников и профессиональных торговцев. Новая экономическая политика отличалась тем,

что в ее рамках была легализована деятельность представителей этой последней группы, которая в 1920-е годы была гораздо более многочисленной и разнообразной, чем во время двух последующих фаз восстановления. О торговцах эпохи НЭПа можно найти информацию в различных отделах советских архивов: по кредитным записям удалось восстановить истории частных предприятий эпохи НЭПа для третьей главы, а из данных системы уголовного правосудия я почерпнула бóльшую часть моих сведений о деятельности отдельных торговцев после 1930 года[11]. В этом принципиальное различие между эпохой НЭПа и более поздним периодом, и, подчеркивая преемственность «Великого перелома», я не собираюсь преуменьшать значение этого различия. Однако именно преемственность не была должным образом освещена в историографии, хотя при этом она самым неожиданным образом проявлялась в частной торговле на протяжении всего исследуемого периода. Изучение составляющих коммерческого успеха в контексте НЭПа указывает на то, что многие виды частных предприятий сохранялись в последующие десятилетия, пусть и претерпевая изменения, сокращение объемов деятельности и часто оказываясь вне закона. Это еще более верно в отношении факторов коммерческого провала: особенно в провинциальных захолустьях Советского Союза обнищавшие торговцы эпохи НЭПа зарабатывали себе на жизнь в тех же экономических нишах и теми же методами, которые позднее будут использовать обнищавшие представители неформальной торговли.

В этом исследовании в качестве важной категории социального анализа резко выделяется бедность[12]. Первоначально концеп-

---

[11] Исключение составили 1945–1948 годы, когда финансовые органы и инспектораты торговых и промышленных кооперативов писали доносы на частные магазины и кафе. См. об этом мою статью «A Postwar Perestroika? Toward a History of Private Enterprise in the USSR» [Hessler 1998].

[12] Исследование бедности брежневского периода авторства Мервина Мэтьюса (Mervyn Matthews) «Poverty in the Soviet Union» является единственной книгой, целиком посвященной анализу темы бедности, хотя она фигурирует в качестве второстепенной в нескольких работах по социальной истории и социологии. Очевидно, что этот вопрос требует дальнейшего исследования.

Конец ознакомительного фрагмента.
Приобрести книгу можно
в интернет-магазине
«Электронный универс»
e-Univers.ru